

Т. Симон

Психология Апостола Павла

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Т11

Т11 **Т. Симон**
Психология Апостола Павла / Т. Симон – М.: Книга по Требованию, 2016. –
127 с.

ISBN 978-5-517-90859-9

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1907 года

ISBN 978-5-517-90859-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

В в е д е н і е.

Замѣчательно, что въ новѣйшихъ трудахъ по исторіи психологіи,—по крайней мѣрѣ насколько это извѣстно автору,—психологіи свящ. писанія нигдѣ не отводится даже одной главы. Дѣтскія понятія первыхъ дней греческой философіи доселѣ еще, какъ драгоцѣнное научное сокровище, заботливо передаются изъ рукъ въ руки,—библейскія же воззрѣнія, вліяніе которыхъ на образованіе нашего времени, безспорно, безконечно значительнѣе, чѣмъ какое-то ученіе Демокрита о круглыхъ душевныхъ атомахъ, легкомысленно оставляются въ сторонѣ и считаются какъ бы несуществующими. И однако здѣсь заключается богатство психологическихъ наблюденій и понятій, рѣшительно приковывающее къ себѣ даже вниманіе того, кто вступилъ сюда только съ объективно-научнымъ или историческимъ интересомъ. Какъ старательно библейскіе писатели занимались внутреннимъ міромъ человѣческаго духа, съ какимъ усердіемъ стремились къ разрѣшенію загадокъ человѣческаго сердца и человѣческой жизни! И было бы удивительнымъ, если бы при этомъ хотя отчасти не былъ брошенъ глубокій взглядъ на человѣческую душу, который вынѣ для всякаго зрячаго — очевидная истина, если бы хотя нѣкоторыя мысли изъ этой тысячелѣтней работы не имѣли никакого значенія для науки о жизни души!..

Правда, священные писатели не занимались систематическимъ изложеніемъ ученія о душѣ или о душевныхъ явленіяхъ, и это могло служить основаніемъ того, почему ихъ воззрѣнія не пользовались вниманіемъ падкаго къ систематическимъ изложеніямъ времени. Не малое также значеніе здѣсь имѣлъ и характеръ занятій библейской психологіей со стороны нашихъ богослововъ, вызывавшій предубѣжденіе въ

спеціалистахъ психологіи, такъ какъ самыя основныя понятія, сюда относящіяся, страдали неясностью и неопредѣленностью, дѣлавшими ихъ недостойными научнаго вниманія.

Желая получить раздѣльныя и ясныя понятія, мы не должны напередъ стараться объединить образъ воззрѣнія и образъ выраженія различныхъ временъ и различныхъ священныхъ писателей. Правда, одна божественная истина здѣсь стремилась облечься въ человѣческія выраженія, но это стремленіе достигало цѣли только въ постепенномъ развитіи. Въ раннѣйшихъ стадіяхъ развитія заключается вмѣстѣ то, что потомъ раздѣляется, какъ въ зернѣ, которое должно стать растеніемъ... Хотя позднѣйшее выросло изъ болѣе ранняго, однако напрасно мы утруждали бы себя и затрудняли бы пониманіе, насильственно пытаясь понятіе, выраженное ясно на высшей ступени развитія, найти въ образѣ выраженія болѣе раннихъ ступеней. Вѣдь, вполне естественно, что даже современные писатели, стоящіе на одинаковой высотѣ познанія, — если только они самостоятельно работали и не были зависимы другъ отъ друга, даютъ одной и той же истинѣ различную форму и образъ выраженія. Если пытаются одному и тому же слову у различныхъ писателей навязать совершенно одинъ и тотъ же смыслъ, то впадаютъ въ опасность смѣшать тѣ черты понятія, которыя у одного писателя, можетъ быть, раскрыты съ болѣею опредѣленностью.

Въ послѣдующемъ мы думаемъ изложить психологію только одного изъ священныхъ писателей. Будучи убѣждены въ истинѣ и достоинствѣ психологіи Ап. Павла, мы надѣемся представить людямъ чуждымъ круга мыслей и интересовъ свящ. писанія, по меньшей мѣрѣ, доказательство, что эта психологія должна стоять на почетномъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, въ исторіи психологической науки извѣстнаго рода.

У Ап. Павла мы находимъ библейскую психологію въ ея развитой формѣ. Здѣсь она въ стадіи своего разцвѣта, гдѣ все, заложенное въ болѣе раннихъ ступеняхъ развитія, достигло ясной и полной раздѣльности. Если евангелистъ Іоаннъ — метафизикъ, то Ап. Павелъ среди апостоловъ можетъ быть названъ психологомъ. Вездѣ у него замѣчается тонкій психо-

логическій взглядъ, съ которымъ онъ изслѣдуетъ и разсматриваетъ явленія внутреннѣйшей душевной жизни. По преимуществу занимается онъ изслѣдованіемъ дѣла спасенія съ точки зрѣнія его психологической дѣйствительности—его вліянія на жизнь челоѳеческой души: мышленіе, чувство и дѣятельность.

Если отъ психологіи съ правомъ требуютъ, чтобы она опиралась на наблюденіе фактовъ, на эмпирическія данныя, то психологія Ап. Павла удовлетворяетъ также и этому требованію. Только эмпирика Ап. Павла высшаго рода. Обычная психологія старается изслѣдовать душевныя явленія, связывающіяся съ различными внѣшними условіями большаго или меньшаго значенія. Такъ, она старается опредѣлить различный родъ ощущеній, происходящихъ во мнѣ при видѣ различныхъ цвѣтовъ—краснаго, голубого, зеленаго и др., чрезъ сравненіе ихъ между собою или изслѣдуетъ ихъ по закону усиленія воспріятія чрезъ постепенное усиленіе внѣшняго раздраженія. А у Апостола Павла изслѣдуется жизнь челоѳеческой души подѣ вліяніемъ безконечно важнѣйшихъ условій: онъ знаетъ и учитъ, какъ грѣхъ и благодать, жизнь и смерть вліяютъ на челоѳека и какъ они проникаютъ и измѣняютъ психологическую жизнь даже въ ея внутреннѣйшихъ глубинахъ. Онъ развиваетъ свое ученіе не изъ предвзятыхъ принциповъ, но оно у него опирается на опытъ: изъ всей широты челоѳеческой жизни и особенно изъ собственнаго внутреннего опыта почерпается у него богатый эмпирическій матеріалъ.

Ап. Павелъ идетъ впереди всѣхъ эмпириковъ-психологовъ въ томъ отношеніи, что наблюдаетъ разрушительное вліяніе грѣха на психическое состояніе челоѳека; это фактъ — величайшей важности, съ которымъ ни одинъ эмпирикъ не считался. Кромѣ того, предъ Ап. Павломъ широко открыта еще и та область наблюденій, которая обычно для естественнаго челоѳека закрыта: *«душевный (ψυχικός) челоѳекъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно»* (1 Кор. 2, 14). Если цѣна психологіи

особенно зависитъ отъ широты наблюдаемаго матеріала, то человѣку, убѣжденному въ дѣйствительномъ существованіи высшаго духовнаго міра, напередъ ясно, что всякая психологія, не принимающая во вниманіе этого обширнаго круга опыта и не знающая его, должна много уступать психологіи Ап. Павла въ истинности содержанія.

Переходя теперь къ изложенію психологіи Ап. Павла, мы должны предварительную работу—филологическую и историко-критическую считать для себя въ общемъ сдѣланной. Мы не можемъ, слѣдовательно, вступать въ пренія относительно различій и изъясненія отдѣльныхъ мѣстъ. Въ отношеніи исторической критики мы замѣтимъ только, что всѣ посланія Ап. Павла ¹⁾, признанныя таковыми согласно преданію, мы привлекли въ кругъ нашего разсмотрѣнія и думаемъ, это не требуетъ никакого дальнѣйшаго оправданія, такъ какъ мы не нашли въ критически оспариваемыхъ посланіяхъ ничего противорѣчащаго психологическимъ воззрѣніямъ остальныхъ посланій Ап. Павла.

Относительно характера выполненія своей задачи замѣтимъ, что мы не только желаемъ знать взгляды Ап. Павла, но и желаемъ научиться ихъ понимать. Вслѣдствіе этого мы не должны довольствоваться однимъ извлеченіемъ всего, что въ томъ или другомъ мѣстѣ Ап. Павелъ открыто высказалъ о своихъ психологическихъ взглядахъ, или даже расположеніемъ извлеченнаго въ научной схемѣ, напр. мы не должны довольствоваться знаніемъ того, что Ап. Павелъ сказалъ о «тѣлѣ», «душѣ», «духѣ», *σάρξ* и *δύναμις*, оставивъ на половину или совершенно не выясненной внутреннюю связь между отдѣльными выраженіями. Такая работа, конечно, была бы точной и при томъ легкой и не подвергала бы автора упреку, что онъ приписалъ писателю то, чего не уразумѣлъ. Подъ опасеніемъ этого упрека мы не страшимся отыскать переходъ отъ высказаннаго ясно къ неясно высказанному и такимъ образомъ получить связный взглядъ. Мы желаемъ по возможности основательно доискаться, каковъ общій взглядъ Апостола, чтобы

¹⁾ За исключеніемъ посланія къ евреямъ.

можно было сказать, какъ онъ говоритъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, или какое воззрѣніе должно быть положено въ основу для научнаго пониманія его выраженій, если даже Апостолъ ясно не высказался.

Теперь мы думаемъ раздѣлить и изложить свой матеріалъ такъ:

- А. Вѣшнее или тѣлесное существо человѣка, какъ основа внутренняго существа.
- В. Внутреннее или душевно-духовное существо человека.
- С. Психологическія замѣчательныя состоянія.

Однако совершенно абстрактное раздѣленіе въ изложеніи того, что въ дѣйствительности нераздѣльно и находится въ живыхъ отношеніяхъ, будетъ невозможнымъ. Если по словамъ Лотце, «быть» (существовать) есть тоже, что «стоять въ отношеніяхъ», то существо предмета мы можемъ представить не иначе, какъ открывая его отношенія, которыя связываютъ его въ жизни съ другими вещами и существами. Вслѣдствіе этого, напр., въ нашей первой главной части А, при разсмотрѣніи *тѣла и тѣлесныхъ* явленій, мы не можемъ не имѣть въ мысли и *душевныхъ* отношеній и въ части В. существо и характеръ души мы можемъ уразумѣть только подъ условіемъ обращенія вниманія на взаимодѣйствіе ея съ тѣломъ.

А. Внѣшнее или тѣлесное существо человѣка, какъ основа внутренняго существа.

І. Σῶμα (тѣлесная форма).

Общее, краткое выраженіе для обозначенія тѣлеснаго существа есть σῶμα.

Слово это лучше всего перевести значеніемъ «тѣлесная форма» или «тѣлесный видъ». Въ то время какъ нѣмецкое слово «Leib» (тѣло) употребляется только для обозначенія живыхъ тѣлъ человѣка и животныхъ, Ап. Павелъ слово «σῶμα» употребляетъ также о растеніяхъ 1 Кор. 15,37: *«что ты спешь, съешь не тѣло (σῶμα) будущее, но юное зерно»*, ст. 38: *«Богъ даетъ ему тѣло (σῶμα), какъ хочетъ, и каждому стмени свое тѣло (σῶμα)»*. Даже, если въ 1 Кор. 15,40 подъ σῶματα ἐπουράνια (тѣла небесныя) должны разумѣться звѣзды, то также и имъ Ап. Павелъ приписываетъ «тѣло» (σῶμα).

Однако подъ понятіемъ «σῶμα» (тѣло) мы должны разумѣть не мертвую, навязанную предмету совнѣ форму, но исключительно форму «саможивую», которая происходитъ и опредѣляется изъ себя самой. Статуѣ, представляющей человѣка, мы не можемъ усвоить названія «σῶμα». Понятіе «σῶμα» мы называемъ формой въ Аристотелевскомъ смыслѣ; форма (εἶδος) есть въ одно и то же время и ἐντελέχεια (возможность), осуществляющаяся чрезъ собственную энергію. Трупъ, хотя онъ имѣетъ форму тѣла, не есть болѣе «тѣло» (σῶμα), такъ какъ жизненная энергія, саможизненность изъ этой формы исчезла. Отсюда въ Рим. 8,10 выраженіе «σῶμα νεκρὸν διὰ ἁμαρτίαν» (тѣло мертвое чрезъ грѣхъ) обозначаетъ тѣло въ настоящее время еще живого человѣка, только подпавшее смерти (духовной).

Далѣ, къ понятію «тѣло» (σῶμα) принадлежитъ то, что оно состоитъ изъ множества членовъ (μέλη), которые находятся подъ господствомъ одного общаго принципа. Что дѣйствительно «тѣло» состоитъ изъ множества, это ясно выражено въ 1 Кор. 12, 14: *«тѣло же (σῶμα) не изъ одного члена, но изъ многихъ»*. Сведеніе этого множества къ единству, требуемому понятіемъ слова «σῶμα» ясно изъ стиха 20-го: *«теперь членовъ много, а тѣло (σῶμα) одно»*. Въ образныхъ сравненіяхъ общества съ тѣломъ эта, въ понятіи «σῶμα» мыслящаяся связь множества съ единствомъ, выступаетъ вездѣ. Члены общества первоначально суть множество лицъ, которыя не имѣютъ ничего общаго другъ съ другомъ. Чрезъ то, что они стали подъ господство одного жизненнаго принципа, сдѣлались они однимъ тѣломъ—σῶμα. О грекахъ и іудеяхъ, варварахъ и скивахъ, рабахъ и свободныхъ Ап. Павелъ восклицаетъ въ Колос. 3, 15: *«вы призваны въ одномъ тѣлѣ»* (ἐν ἐνὶ σῶματι), такъ какъ теперь *«все и во всемъ Христосъ»* (ст. 11). Сравни Римл. 12, 4. 5: *«какъ въ одномъ тѣлѣ (ἐν ἐνὶ σῶματι) и насъ много членовъ... такъ мы многіе составляемъ одно тѣло»* (ἐν σῶμα). Тоже въ 1 Кор. 12, 12, 13: *«какъ тѣло (σῶμα) одно, но имѣетъ многіе члены, и всѣ члены одного тѣла (σῶματος), хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло (σῶμα), такъ и Христосъ. Ибо всѣ мы однимъ Духомъ крестимся въ одно тѣло (σῶμα), рабы или свободные, и всѣ напоены однимъ Духомъ»*. Такимъ образомъ наши тѣла опять суть члены тѣла высшаго порядка 1 Кор. 6, 15: *«развѣ вы не знаете, что тѣла (τὰ σώματα) ваши суть члены Христовы?»*

Въ половомъ общеніи блудникъ и блудница образуютъ одно тѣло (σῶμα) 1 Кор. 6, 16: *«или не знаете, что совокупляющійся съ блудницею становится одно тѣло (ἐν σῶμα) съ нею?»* Ибо два тѣла, изъ которыхъ каждое имѣетъ въ себѣ свой собственный принципъ, вступаютъ здѣсь въ тѣснѣйшее общеніе, исполнѣ подчиняются новой общей цѣли и принципу.

Однако чаще всего Ап. Павелъ употребляетъ слово «σῶμα» о тѣлѣ отдѣльнаго человѣка, и въ этомъ смыслѣ понятіе по преимуществу имѣетъ психологическую важность. Но мы должны остерегаться отождествленія слова «σῶμα» (если не

прибавлено поясненія) съ видимымъ тѣломъ человѣка въ настоящей земной жизни. И въ загробной, небесной жизни человѣкъ будетъ облеченъ въ тѣло—*«тѣло духовное»* (σῶμα πνευματικόν) 1 Кор. 15, 44 или *«тѣло славы»* (σῶμα τῆς δόξης) Филип. 3, 21, въ противоположность настоящему земному тѣлу—*«тѣлу плоти»* (σῶμα τῆς σαρκός) Колос. 2, 11,—*«тѣлу душевному»* (σῶμα ψυχικόν) 1 Кор. 15, 44,—*«тѣлу смиренія»* (σῶμα τῆς ταπεινότητος) Филип. 3, 21.

Смерть есть выходъ изъ тѣла 2 Кор. 5, 8: *«желаемъ лучше выйти (переселиться) изъ тѣла»* (ἐκ τοῦ σώματος), и при воскресеніи получаетъ человѣкъ небесное тѣло. Теперь спрашивается, это воскресшее тѣло будетъ ли тождественнымъ съ настоящимъ земнымъ тѣломъ—человѣка или нѣтъ?

Многое какъ бы говорить за нетождество. Такъ, прежде всего это видно изъ классическаго мѣста 1 Кор. 15, 35—37, гдѣ Ап. Павелъ на интересующій насъ здѣсь вопросъ: *«какъ воскреснутъ мертвые и въ какомъ тѣлѣ (σώματι) придутъ?»* ясно и отчетливо учить при посредствѣ сравненія съ сѣменемъ, что воскресшее тѣло будетъ другимъ сравнительно съ тѣломъ, которое предается землѣ для истлѣнія: *«что сѣешь, не тѣло (σῶμα) будущее сѣешь»* (ст. 37), *«Богъ даетъ ему тѣло (σῶμα), какъ хочетъ»* (ст. 38). Стебель, вырастающій изъ гроба земли, есть другое тѣло (σῶμα) сравнительно съ тѣломъ сѣмени, которое полагается въ землю. Это кратко и ясно высказано въ ст. 44: *«сѣется тѣло (σῶμα) душевное, востаетъ тѣло духовное; есть тѣло (σῶμα) душевное и есть тѣло духовное»*. Ясность этого мѣста можетъ затемняться только искусственнымъ толкованіемъ. Ап. Павелъ здѣсь очень далекъ отъ того, чтобы разсматривать настоящее тѣло и тѣло загробное, какъ тождественныя. Если Ап. Павелъ восклицаетъ въ Римл. 7, 24: *«кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти»* (ἐκ τοῦ σώματος τοῦ θανάτου τούτου), то онъ молчаливо предполагаетъ, что имѣющее быть даннымъ ему, имъ ожидаемое, новое тѣло, будетъ другимъ—другого высшаго качества. Еще яснѣе земное тѣло, какъ тѣло иное, противопоставляется небесному въ 2 Кор. 5, 1: *«знаемъ, что когда земной нашъ домъ разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный»*.

Изъ дома земного тѣла мы переходимъ въ другой домъ—въ небесное тѣло; земное и небесное тѣло—не одно и тоже.

Вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ въ писаніяхъ Ап. Павла и другое воззрѣніе, которое съ полной ясностью предполагаетъ тожество обоихъ тѣлъ. Тѣло, въ которомъ мы живемъ здѣсь на землѣ, и тѣло, которое мы опять получимъ въ день воскресенія, есть одно и тоже тѣло, только послѣднее свободно отъ всякой брѣнности и тѣнноти. Богъ дѣлаетъ прежде смертное и мертвое тѣло опять живымъ Римл. 8, 11: *«Воскресившій Христа изъ мертвыхъ оживитъ и ваши смертныя тѣла (σώματα)»*. Прежнее тѣло не упраздняется и уничтожается, но съ прежнимъ тѣломъ происходитъ обновляющая его перемѣна Филп. 3, 21: *«Онъ уничиженное тѣло (τὸ σῶμα) наше преобразитъ такъ, что оно будетъ сообразно славному тѣлу Его»* (τῷ σώματι τῆς δόξης). Тѣло, которое одержимо было на землѣ различными недостатками, освобождается отъ всѣхъ недостатковъ, но въ существѣ остается все тѣмъ же тѣломъ Римл. 8, 23: *«ожидаемъ искупленія тѣла (σώματος) нашего»*.

Предъ этой дилеммой многіе толкователи останавливаются съ растерянностью, высказываясь, смотря по индивидуальной склонности, за тожество или нетожество тѣла воскресаго и земного и стараясь имъ неблагопріятствующій образъ воззрѣнія оставить безъ истолкованія. Или они просто констатируютъ фактъ, что здѣсь параллельно другъ съ другомъ идутъ два различныя воззрѣнія, которыя Ап. Павелъ не старался объединить и которыя вообще не могутъ быть объединены. Но напередъ констатируя рѣзко звучащее разногласіе у такого глубокаго и такого яснаго мыслителя, какъ Ап. Павелъ, при томъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ мѣстъ его ученія, гдѣ противорѣчіе не могло бы быть имъ незамѣченнымъ, мы должны однако постараться найти существующее, только ясно не высказанное единство. Навѣрное, видимыя противорѣчія въ Ап. Павлѣ объединялись въ высшемъ единствѣ и если бы онъ руководствовался болѣе теоретическими интересами, а не имѣлъ постоянно въ виду дѣйствительныя практическія потребности христіанскихъ обществъ, жаждавшихъ его назиданія, то онъ не оставилъ бы намъ, по всей вѣроятности этой точности непознѣнной.